

18+ *Сплошное
недоразумение*

Лана Нелзкая

Лана Нежная

Сплошное недоразумение

<https://litres.ru/74465533>

ISBN 9785007123464

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Он — взрослый дяденька с «Геликом», собственным бизнесом и паспортом без штампов. Разочаровался в любви.

Она — упрямая заноза с железными принципами: не пьёт кофе с незнакомцами и ждёт настоящую любовь — ту, что не купишь за деньги.

Их встреча — случайность? Недоразумение?

Или всё-таки нечто большее?

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Выбирать чудо	5
Глава 2. Недоразумение	15
Глава 3. Случайность или судьба	25
Глава 4. Вот и повеселилась	33
Глава 5. Знакомство. Без масок	46
Глава 6. Лучшее худшее свидание	57
Глава 7. В её вкусе, но...	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сплошное недоразумение

Лана Нежная

Дизайнер обложки Светлана Александровна Шевченко

© Лана Нежная, 2026

© Светлана Александровна Шевченко, дизайн обложки,
2026

ISBN 978-5-0071-2346-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Выбирать чудо

София

Я еду в прекрасном настроении. За рулём — почти как дома: вожу уже год. Музыка на полную, руки крепко, но не напряжённо держат руль. Дорога скользкая — опять подмороживает, — но я не спешу.

Сегодня у нас встреча выпускников. Мы уже не школьники, а взрослые люди, съехавшиеся к родным на новогодние каникулы. Решили собраться сначала в уютной кафешке, а потом — рвануть в клуб. Столики забронированы, предоплата внесена, даже предзаказ сделали. Настроение — огонь.

Пять дней у родителей — как курс реабилитации от взрослой жизни: выпалась, отъелась, попарила кости в баньке до состояния пластилина. Я — как новенькая, полна сил и энергии. И теперь пою в машине, двигаясь в такт:

Будет так, как я хочу — Может, это для тебя и новость... О-о-о-о! Так, так!

Можно терпеть силу, можно пить текилу, Можем ждать утро, а я и дальше буду Выбирать своё солнце, поднимать свои веки... Да, я и дальше буду выбирать своё чудо.

На светофоре, пока горит красный, замечаю: из соседней машины — чёрного, тонированного, будто из боевика, «Ге-

лендвагена» — мужчина машет мне рукой, чтобы я опустила стекло. Его окно уже открыто. Я прикручиваю звук и опускаю своё. Из его авто доносится та же песня Ньюши — слушаем одну радиоволну.

— Привет, — говорит он, и голос у него — как тёплый бархат: ни напора, ни флирта, просто дружелюбно. — Наблюдаю за тобой в окно уже пару кварталов. Ты — настоящее чудо: так поёшь, так двигаешься... Взгляд не отвести. Поехали, угощу кофе? Или чаем?

Я смотрю на него — взрослый мужчина. Из-за бороды трудно точно определить возраст: она будто слегка старит. Взгляд — прямой, открытый. Но я честна — даже с незнакомцами:

— Извините, вы не в моём вкусе.

Поднимаю стекло, включаю музыку обратно. Светофор мигает зелёным — и я трогаюсь.

А он — за мной.

Не прилипает, не маневрирует агрессивно — просто держится немного сзади. Ну конечно. Взрослый ухажёр на «Гелике» с блатными номерами — Х777АМ. Только тебя мне сейчас и не хватало.

Я сворачиваю к торговому центру — тамлюдно, камеры, охрана. Прогуляюсь, подумаю. Главное — не тащить его за собой домой. Но не успеваю даже додумать эту мысль...

БА-АМ!

Лёгкий, но чёткий толчок в зад. Моя малышка — в кре-

дит, с нуля, первая моя машина — и мне её ещё целых четыре года выплачивать.

— Вот же... — выдыхаю, сжимая руль. Включаю аварийку, достаю куртку с заднего сиденья.

Десять секунд колебаний: звонить брату или нет? У него сегодня должно быть свидание с Сашей — они такие смешные, робкие, но стопроцентно уже влюблённые. Глупые, ещё не понимают до конца, как вляпались. А я вижу... Не хочу им мешать.

Решаю разбираться сама.

Выхожу на мороз — сразу накидываю куртку. Мужчина уже выставил знак аварийной остановки по правилам и идёт ко мне. Высокий. Сильный. И... знакомый? Нет. Просто впечатление — как будто я его уже где-то видела.

— Если вы это специально... — начинаю я, — то не смешно.

— Прости, — говорит он, и в голосе — искреннее смущение. — Правда не специально. Сам не понял, как так вышло. Честно — недоразумение.

Смотрю в глаза. Нет лжи. Только лёгкая растерянность. Он подходит ближе:

— Моя машина цела, на твоей — царапина. Я виноват. Готов оплатить весь ремонт, без вопросов. Будем ментов вызывать — или сами договоримся?

Подхожу к бамперу. Действительно — царапина. Сколько будет стоить покраска и шлифовка — не представляю.

Кусаю нижнюю губу. Старая вредная привычка. Завтра будет шелушиться.

— Давай я наберу знакомого, — предлагает он. — У него сервис. Спрошу, работают ли на праздниках. Если да — отгоним прямо сейчас, разберёмся на месте. Через пару дней заберёшь свою красавицу как новенькую.

Соглашаюсь. Менты — это минимум полдня, а у меня планы на вечер. Я настроилась отлично погулять.

Он звонит:

— Никита, привет, это Хромов. Извини, что отвлекаю в праздники. Я тут въехал... слегка, но надо бы оперативно поправить. Да, сам не понял, как так вышло.

Голос у него — спокойный, уверенный. Не вдаётся в подробности. Просто решает проблему.

— Поехали, — говорит, держа телефон в руке. — Примут по блату. Дай свой номер телефона, скину геолокацию.

— Говорите адрес, — отвечаю. — Я местная, не заблужусь.

(И точно не дам телефон, думаю про себя. Не дождёмся.)

Он смеётся.

— Вот ты упёртая, малая. И чего ты мне «выкаешь»? Я вроде не сильно старый.

— Для вас — может, и не сильно. Для меня — сильно. Адрес говорите, а то я уже замёрзла.

Куртка — тёплая, но ветер всё равно пробирается под во-

ротник, заставляя сжиматься в комок.

— И ещё... отдайте что-нибудь на сохранение. А то смотрите с места ДТП, а мне потом ремонт самой оплачивать.

— Так... а что тебе дать? — Он шарит по карманам, потом начинает снимать часы. На вид дорогие. Но я в этом не разбираюсь.

— Может, это китайская подделка за тысячу рублей? Давайте документ. Паспорт, например.

Он без колебаний достаёт паспорт и отдаёт.

— Давай, малая, бегом в машину. А то заболеешь из-за меня. Я поеду впереди, ты за мной. Так мне будет спокойнее.

Сажусь за руль. Пропускаю его. Он не мчит, ждёт меня на поворотах, если я отстаю.

По пути, в пробке, любопытство берёт верх. Открываю его паспорт.

Хромов Михаил Александрович. Родился в Москве в 1988 году.

Старше Вадима на три года. Так, Михаилу — тридцать восемь. Взрослый, однако, дяденька. Листаю дальше — пусто. Ни штампа о браке, ни детей. Паспорт — свежий. Фото — недавнее. Интересно, зачем менял?

Через двадцать минут мы у сервиса. Я загоняю машину, Михаил обо всём договаривается. Парень в комбинезоне уходит оформлять документы. Нас просят подождать в зоне отдыха.

Я забираю из машины сумку с вещами и пакет, в который

мама щедро наложила еды. Сажусь на диванчик, скрещиваю руки на груди и жду.

Через пару минут Михаил возвращается с двумя стаканчиками кофе. Один — с белой пенкой, другой — тёмный. Он протягивает мне первый.

— Держи, — говорит, и в голосе — ни тени настойчивости, только тёплая забота. — Не знаю, что ты любишь, взял латте с карамельным сиропом. Должно быть вкусно.

— Спасибо, но я не буду, — отвечаю, не глядя на стакан.

— Почему? — Он не обижается, просто интересуется, как человек, который хочет понять. — Лактозу не переносишь? Могу чай принести. Тут есть чёрный и зелёный.

— Нет. Просто не пью напитки, которые предлагают незнакомые мужчины.

Он замирает на секунду. Потом смотрит на меня с таким искренним удивлением, будто увидел восьмое чудо света.

— Так давай уже познакомимся, — предлагает он, ставя оба стакана на столик рядом. — Я Миша.

— Михаил, вы меня извините, — говорю спокойно, но твёрдо, — но я не хочу с вами знакомиться.

Он медленно кивает, будто взвешивая каждое моё слово.

— Понял. Принял. А кофе-то при чём? — добавляет уже мягче. — Я думал, ты замёрзла. Хотел согреть.

Я чуть приподнимаю бровь.

— А вдруг вы туда что-то подсыпали?

Он смеётся — не громко, не фальшиво, а с лёгким пока-

чиванием головы, будто говорит: «Ну ты даёшь...»

— Зачем? — спрашивает, глядя прямо в глаза. — Поверь, мне не нужны такие приёмы. Я и так пользуюсь популярностью у женского пола.

Смотрю на него оценивающе. И ведь... не врёт. Красив — не модельной внешностью, а той, что цепляет: сильная линия подбородка, тёплый взгляд, уверенная осанка. Спортивная фигура, не перекачан, но чувствуется — следит за собой. На руке — дорогие, но сдержанные часы. Машина не из дешёвых, один номер, наверное, стоит как моя малышка.

И всё же...

Но меня не так воспитали. Я не веду ни на внешность, ни на бабки. Мне нужны чувства — настоящие, искренние, чтобы сердце ёкало и бабочки в животе летали. Чувства, что не купишь.

Я отвожу взгляд и слегка пожимаю плечами.

— Популярность — не гарантия искренности.

Он молчит. Потом тихо ставит свой стакан на столик и смотрит мне в глаза.

— Жаль, — говорит почти шёпотом. — А я сегодня впервые за год почувствовал, что чудо — возможно.

Затем Михаил делает глоток кофе — и вдруг его живот предательски урчит. Громко. Откровенно.

Он замирает, потом чуть смущённо разводит руками:

— Не успел пообедать. Прости.

И в этом простом признании — столько усталости, что

мне почему-то становится его жалко. Просто как человека, который не успевает нормально поесть.

Не думая долго, открываю пакет и достаю два контейнера.

— Хотите пирожки? — предлагаю. — Домашние. Эти — с вишней. Эти — с капустой.

Открываю крышки. Аромат свежей выпечки мгновенно заполняет пространство между нами.

Он смотрит на меня — то ли с восторгом, то ли с восхищением, не пойму... Потом, с лёгкой усмешкой, пародирует мою же фразу:

— А ты туда ничего не подсыпала?

— Не хотите — как хотите, — отвечаю, уже потянувшись забрать контейнер.

Но он мягко придерживает мою руку — не захватывает, просто перекрывает движение ладонью.

— Хочу. Очень хочу.

Смотрит мне в глаза — и я больше не понимаю: он сейчас про пирожки говорит... или про что-то совсем другое?

Он берёт пирожок с капустой, откусывает — и на лице появляется такое довольное выражение, будто вернулся домой после долгой разлуки.

— Боже... Это же настоящие пирожки, — говорит тихо. — Такие я в детстве ел у бабушки.

Съедает один. Потом — второй. Благодарит — не формально, а с той тёплой искренностью, что не подделаешь.

— Спасибо, малая. Ты меня спасла.

Я улыбаюсь ему — впервые за весь этот день по-настоящему.

— Не за что.

Убираю контейнеры обратно в пакет. Он молча наблюдает.

Возвращается менеджер. Они уходят оплачивать ремонт. Через минуту приходят с папкой.

Михаил садится рядом и раскладывает документы:

— Малая, смотри: список работ, стоимость, чек об оплате. Забрать можно через два дня вот с этой бумажкой.

— Хорошо. Спасибо.

— Спасибо в карман не положишь, — замечает он, глядя на меня с лёгкой усмешкой.

— В смысле? — Я смотрю на него как на сумасшедшего. Он же сам в меня въехал! Чего я ему должна?

— Паспорт верни, чудо ты моё новогоднее.

— А-а-а, точно, паспорт? — Достаю и отдаю его документ.

— Подвезти тебя? — спрашивает он, уже вставая. — Хотя... о чём это я. Конечно, нет. Я же старый, не в твоём вкусе и всё такое.

— Спасибо, я на такси. Всего хорошего вам, Михаил. И... осторожнее на дорогах.

Разворачиваюсь и иду к выходу. Он идёт за мной.

Вызываю такси. Останавливаюсь у двери, смотрю в окно. Точно опоздаю в кафе...

Михаил проходит мимо, почти вплотную.

— До встречи, малая, — говорит тихо — и уходит.

Я замираю. До какой ещё встречи?

Смотрю, как он садится в «Гелик», заводит мотор и плавно уезжает в зимнюю дымку.

А в голове снова звучит:

Да, я и дальше буду выбирать своё чудо...

Но почему-то в этот раз мелодия звучит не как гимн свободы... А как странное предчувствие.

Глава 2. Недоразумение

Михаил

Сегодня я зол. Не по-детски, не с криками и хлопанием дверей — а по-взрослому: тихо, плотно, как лёд на реке. Такой гнев не вырывается наружу. Он оседает внутри, давит на рёбра, не даёт дышать полной грудью.

Администратор в «Луне» — моём ночном клубе, который я создавал с нуля за год, как ребёнка, — что-то опять напутала. Не просто ошиблась. Напутала всё: и брони, и поставки, и документы для проверки. И сама, как истинная дама, вместо того чтобы разобраться, звонит мне в панике: «Михаил Александрович, я не понимаю, что делать!»

Ну да, конечно. Хочешь сделать хорошо — сделай сам. Я давно перестал ждать, что кто-то за меня возьмёт ответственность. Особенно в бизнесе.

Еду туда. Через центр. Через зимнюю слякоть и раздражённые потоки машин, где каждый второй куда-то спешит. Радио играет тихо — на любимой волне.

Я отключаю мысли. Смотрю вперёд. Нужно успеть до открытия, разгрести этот бардак, найти виновных, восстановить порядок и, скорее всего, уволить администратора. Это не первый её косяк. В первый раз я её простил, но такими темпами она и на шею сядет. Значит, сегодня я сам встану

на её место. Пока не найду замену. А судя по озвученным проблемам — увольнение неизбежно, и искать кого-то придётся срочно.

Хотя мне не привыкать. За десять лет в бизнесе я всё на себе пробовал: и охранника подменял, когда тот внезапно свалился с гриппом перед крупным вечером; и бармена — когда новый «мастер коктейлей» оказался дилетантом; и официанта — когда в зале не хватало рук.

Администраторов — особенно часто. Потому что это сердце заведения. Если оно бьётся с перебоями — всё остальное идёт наперекосяк.

Иногда это даже полезно — встать в поток, оказаться внутри. Тогда видишь то, что не показывают в отчётах: где ломается логистика, где тухнут глаза у персонала, где гости чувствуют себя «обслуженными», а не «уважаемыми». Именно так я однажды переделал всю систему бронирования — после того как сам простоял у компьютера три часа подряд, разбирая жалобы гостей.

Так что да — сегодня я снова стану «Мишей-администратором». Уже почти привычно.

Но... устал. Не телом — душой. Потому что каждый раз, когда я беру на себя чужую работу, я напоминаю себе: «Ты один. И если не ты — то кто?»

А хотелось бы верить, что можно просто... довериться.

На повороте к клубу — ад.

Три машины в куче: «Камри» въехала в «Рено», а тот, в

свою очередь, снёс «Солярис», который теперь стоит поперёк обеих полос. Никто не пострадал — видно по спокойным жестам и отсутствию «скорой», — но проехать некуда. Весь поток встал.

Я смотрю на часы. До открытия «Луны» — ещё семь часов. А там — бардак, который только я могу разгрести.

Нервы натянуты, как струны. Каждая секунда на этой дороге — это минута хаоса внутри клуба. Кто-то уже наверняка начал звонить гостям, отменять брони. А может, и не начал — потому что просто не знает, что делать.

Типично.

Ругаюсь сквозь зубы, включаю поворотник и резко съезжаю на обочину. Делать круг — дольше по расстоянию, но быстрее по времени.

Машина послушно вписывается в поворот. Холодный воздух из-под приоткрытого окна бьёт в лицо — будто напоминает: не злись, действуй.

Я вжимаю педаль чуть глубже. Сегодня я не просто владелец. Сегодня я — аварийный клапан. И если не разрулю всё сам, система рванёт.

Сворачиваю на одностороннюю двухполосную улицу. Вроде даже не стоим — едем.

И вдруг — справа, в соседнем ряду — мелькает она. Взгляд сам за неё цепляется.

Красная «Мазда» уверенно держится в ряду, а внутри — целый спектакль. Девушка поёт во весь голос, двигается в

такт, отстукивает пальчиками по рулю, покачивает головой. На голове — смешной пучок, небрежно закрученный, с выбившейся прядью. На лице — ни капли макияжа. Только румянец от её импровизированных танцев в машине и яркие глаза, полные света.

Она вроде поёт ту же песню, что и у меня в эфире. Попадает в слова чётко.

Будет так, как я хочу... Да, я и дальше буду выбирать своё чудо.

Я не могу оторвать взгляд.

Она — не красавица в глянце. Но... живая. Настоящая. В ней — искренность, которой давно не встречал. Ни в бизнесе, ни в отношениях, ни в разговорах с друзьями, ни в постели.

Я ловлю себя на мысли: «Она смотрит на мир, как будто он ещё не подвёл её».

А я... я уже давно перестал ждать чуда.

Но в этот момент — призрачно, глупо, невозможно — мне хочется дотронуться до этого чуда. Хотя бы на секунду.

Я опускаю стекло, машу ей, жестом прошу опустить своё. Она смотрит на меня с настороженностью, но опускает.

Делаю комплимент — искренне, от всего сердца. Зову вместе выпить кофе или чай. Отказывает. Я не в её вкусе...

И всё же... я не могу так просто сдаться.

Когда она сворачивает, я еду за ней. Не потому что хочу преследовать — а потому что боюсь: если отпущу сейчас,

больше никогда не увижу эту искру.

А потом — бам.

Ну всё. Приехали... Кажется, для «Луны» день накрылся медным тазом. Окончательно и бесповоротно. Убыток — неизбежен. Можно не торопиться...

Это произошло не специально. Честно. Просто задумался. Смотрел на неё, а не на дорогу. И вот — царапина на её бампере. А в её глазах — не злость, а растерянность. И лёгкое разочарование.

Она подходит к бамперу, осматривает царапину, хмурится. Потом чуть отводит взгляд и закусывает нижнюю губу.

Простое, почти детское движение. Но от него у меня перехватывает дыхание.

Это так... наивно. Она, уже не ребёнок, стоит на морозе в короткой куртке, с серьёзным лицом, а губы — будто у девчонки, которая боится, что мама увидит, как она разбила вазу. И в то же время — чертовски сексуально. Не вызывающе. Не нарочито. А именно — искренне. Как будто в этом жесте — вся она: и уязвимость, и упрямство, и та самая внутренняя борьба между «разберусь сама» и «помоги мне».

Я ловлю себя на мысли, что хочу провести большим пальцем по её губе — не чтобы поцеловать, а чтобы прикоснуться. Чтобы сказать: «Всё в порядке. Я всё решу».

Но, конечно, молчу. Потому что мы — незнакомцы. Потому что она уже дала понять: я — не в её вкусе. И всё же... Меня пробивает на честность.

— Прости. Честно — недоразумение.

И это правда. Всё в этой встрече — недоразумение. Случайность. Авария на дороге. Неправильный поворот. Недоразумение... Но почему тогда внутри так... тепло?

Я предлагаю решить всё по-человечески. Звоню знакомому. Говорю спокойно — хотя внутри всё ещё бурлит от клуба, от усталости, от жизни, которая давно стала рутиной. Но перед ней я хочу быть настоящим мужчиной.

Она — упрямая. Скептическая. Не даёт номер. Выкает. Просит паспорт «на сохранение». И я отдаю — без тени раздражения. Пусть держит. Пусть знает: я не убегу.

В зоне ожидания приношу кофе: один — латте с карамельным сиропом (наугад, но интуитивно), второй — чёрный, крепкий, для себя. Протягиваю ей латте.

— Держи. Не знаю, что ты любишь, но вроде должно быть вкусно.

Она даже не смотрит на стакан.

— Спасибо, но я не буду.

— Почему? — спрашиваю, не скрывая искреннего любопытства. — Лактозу не переносишь? Могу чай принести, предлагаю выбор.

Она чуть приподнимает подбородок. Глаза — прямые, без тени страха, но и без улыбки.

— Нет. Просто не пью напитки, которые предлагают незнакомые мужчины.

На мгновение я теряю дар речи.

О как.

И ведь не с подозрением говорит — нет, не с истерикой. А спокойно. Чётко. Как человек, у которого границы — не каприз, а принцип.

Её следующая фраза — «А вдруг вы туда что-то подсыпали?» — царапает. Не сильно, но точно.

На секунду — будто отступает весь мой опыт, мой статус и остаюсь я: просто мужчина, который протянул кофе, а ему ответили подозрением.

Эта мысль — не оправдание, а удар. Потому что я не хочу быть одним из тех, кого она имеет в виду. Я таких на дух не переносу...

Но вместо раздражения — смех. Не громкий, не саркастичный, а тихий, с лёгким покачиванием головы. Смех человека, который понял.

— Поверь, — говорю, глядя прямо в её глаза, без тени игры, — мне не нужны такие приёмы. Я и так пользуюсь популярностью у женского пола.

И это — не хвастовство. Это признание: «Мне не нужно обманывать. Я хочу, чтобы ты захотела остаться — сама».

Но вслух этого не сказать. Так что я просто сижу — с кофе в руке, с улыбкой в уголках губ и с тихой надеждой, что она увидит: за бронёй «успешного мужчины» — обычный человек. Тот, который тоже устал от масок.

Впервые за долгое время мне хочется, чтобы популярность не имела значения.

Когда я говорю: «Жаль. А я сегодня впервые за год почувствовал, что чудо — возможно», — я не шучу.

Она не отвечает. Но на секунду — всего на миг — её взгляд смягчается. И этого пока достаточно.

Я делаю глоток кофе — горький, крепкий, как мой сегодняшний день — и вдруг живот предательски урчит. Не тихо. Не «слегка». А так, что даже она слышит. Чёрт.

Замираю. Потом развожу руками — с лёгким смущением, но без паники:

— Не успел пообедать. Прости.

Говорю это просто, почти машинально. Но в этом — вся правда: я не ел с утра, был в зале, потом этот бардак в клубе, а теперь — она. Эта малая с пучком, с принципами и с глазами, в которых живёт жизнь.

Она смотрит на меня — и в её взгляде не насмешка, а... жалость. Настоящая, тёплая, человеческая жалость. И от этого становится ещё тяжелее — потому что я давно забыл, каково это — чтобы кто-то заметил, что ты устал.

А потом она делает то, чего я не ждал.

Открывает пакет — и оттуда пахнет домом. Не рестораном. Не сетевым кафе. А именно — домом: обычной домашней едой. Она протягивает контейнеры:

— Хотите пирожки? Домашние.

Я смотрю на неё — и впервые за долгое время чувствую, как что-то внутри оттаивает. То ли от запаха. То ли от того, что она не боится быть доброй даже после «вы не в моём

вкусе».

С лёгкой усмешкой пародирую её же фразу:

— А ты туда ничего не подсыпала?

Она уже тянется забрать пирожки — и я ловлю её руку. Не сжимаю. Просто прикрываю ладонью, чтобы остановить.

— Хочу. Очень хочу.

Смотрю ей в глаза — и понимаю, что говорю не только о еде. Я хочу этого: простоты, тепла, доверия. Хочу, чтобы кто-то просто дал, не требуя ничего взамен.

Беру пирожок с капустой. Откусываю. И на мгновение — будто проваливаюсь в детство: бабушкина кухня, окно в сад, запах печи...

— Боже... Это же настоящие пирожки, — выдыхаю. — Такие я у бабушки ел.

Съедаю один. Потом — второй.

— Спасибо, малая, — говорю тихо, глядя прямо в глаза. — Ты меня спасла.

Она улыбается — не вежливо, не «ну ладно», а по-настоящему. И в этой улыбке — всё: и мягкость, и сила, и та самая искра, которую я искал, сам того не зная.

Она убирает контейнеры обратно. Я молча смотрю, как её пальцы аккуратно защёлкивают крышки. Хочу запомнить каждое движение.

Потом возвращается менеджер. Мы уходим оплачивать. Через минуту возвращаемся — с папкой документов, чеками. Всё по-человечески, по-честному.

Сажусь рядом, раскладываю бумаги:

— Малая, смотри: список работ, стоимость, чек. Забрать можно через два дня — вот с этой бумажкой.

— Хорошо. Спасибо.

— Спасибо в карман не положишь, — усмехаюсь.

Она смотрит на меня как на сумасшедшего.

А я всего лишь думаю о том, как бы не дать ей уйти.

— Паспорт верни, чудо ты моё новогоднее.

Она чуть смущается, достаёт документ — и отдаёт.

— Подвезти тебя? — спрашиваю, уже вставая. Но тут же ловлю себя на глупости и добавляю с иронией: — Хотя... о чём это я. Конечно, нет. Я же старый, не в твоём вкусе и всё такое.

Она улыбается — слегка, но искренне.

— Спасибо, я на такси. Всего хорошего вам, Михаил. И... осторожнее на дорогах.

У выхода, когда я прохожу мимо, тихо бросаю:

— До встречи, малая.

Не потому что надеюсь, что мы встретимся. А потому что знаю.

Сажусь в машину. Завожу. Не хочется уезжать, но работа не ждёт.

Глава 3. Случайность или судьба Михаил

Я въезжаю на задний двор «Луны» с одним-единственным ощущением: всё накрылось медным тазом. Убыток неизбежен. Репутация под угрозой. Придётся попыхтеть, чтобы всё исправить.

Но, видимо, новогодние чудеса не заканчиваются тридцать первого. Или, может, карма наконец-то решила: «Хватит, Миша. Ты десять лет всё тащишь на себе — пора дать тебе передышку».

В зале — не хаос, а работа. Персонал шуршит, двигается чётко, без паники. Столики приготовлены, бар сверкает, диджей уже проверяет звук. А за всем этим — Настя. Маленькая, рыжая, в простой чёрной униформе официантки, но с такой решимостью в глазах, будто она не подменяет администратора, а командует армией.

Я мгновенно ставлю мысленную пометку: «Присмотреться. Может, потянет на постоянку».

Не раздеваясь, не здороваясь — иду напрямиком в кабинет администратора.

Там — Ирина Игоревна. Сидит за столом, попивает кофе... с коньяком, судя по сладковато-резкому запаху. На лице — ни тени тревоги. Только лёгкая досада, будто кто-то

помешал её размеренной жизни.

Вот же сука.

На собеседовании — «опытный специалист», «стрессоустойчивая», «люблю порядок». А по факту — свинарник в кабинете и провал в работе.

— Ну что, Ирина Игоревна? — говорю, не повышая голоса, но так, чтобы каждое слово врезалось в её самодовольное спокойствие. — Заканчиваем с вами сотрудничество!

Она вздрагивает.

— Михаил Александрович! Я думала, мы сейчас всё решим.

— Я-то решу. Но, судя по всему, лучше уже без тебя, чем с тобой. Вещи собирай. На выход. Уволена за некомпетентность.

— Но как же вы без меня?! — паникует она, вставая. — Я же... я думала, вы во всём разберётесь...

— А тебя я на кой чёрт нанимал, Ирина Игоревна? — говорю тихо, почти спокойно, но так, что в каждом слове — лёд. — Чтобы при первых же сложностях ты прятала голову в песок и устраивала себе «кофе с коньячком» на рабочем месте?

Она открывает рот, но я не даю ей вставить и звука.

— Мне не нужны сотрудники, которые в кризисную минуту предпочитают не решать, а ждать, пока кто-то другой прибежит и всё расхлебает. Тем более — с алкоголем в руке и виноватыми глазами.

Я делаю паузу. Смотрю прямо на неё — без злобы, но и без снисхождения.

— Созвонись с бухгалтером. Рассчитают сегодня же. И, пожалуйста, убери за собой. Я не хочу, чтобы следующий человек, сидящий в этом кресле, думал, что здесь можно разводить свинарник.

Она вскакивает, начинает хватать косметичку, блокнот, чашку. На выходе срывает бейджик — и швыряет его мне в грудь. Бах! Захлопывает дверь так, что стёкла в окне дребезжат.

— Скатертью дорога, — выдыхаю, оглядывая бардак на столе: пятна кофе, крошки, бумаги в беспорядке, где-то даже помадный след. Дурак. Сам виноват. Надо было чаще сюда заглядывать.

Тру переносицу, взъерошиваю волосы.

— Ну что, Миха, — говорю себе, — погнали разгребать дерьмо.

Выхожу в зал. Собираю весь персонал.

— Ребята, давайте по-честному: мы сегодня готовы принимать гостей? Какие проблемы есть перед открытием?

Молчание. Но тут бармен Роман толкает вперёд Настю:

— Насть, давай. Ты же почти всё решила.

Она — робкая, лет двадцати, вроде ещё студентка, подрабатывает. Всегда вежливая, исполнительная, беспроблемная. Больше я о ней ничего не знал. А теперь смотрю на неё

— и понимаю: вот она, та, которая не сбежала в трудную минуту, а осталась и сделала.

— Михаил Александрович... — начинает она чуть дрожащим голосом, — проблемы были. Времени — почти нет. И ваш контакт Ирина Игоревна наотрез отказалась давать. Пришлось выкручиваться. Если что — это моя инициатива. Наказывайте только меня.

Идёт к бару, возвращается со стопкой бумаг и ручкой.

— Первая проблема — продукты. Поставщик не привёз: Ирина Игоревна не оплатила в срок, хотя её предупреждали. Я заказала продукты в супермаркетах — часть уже приехала, остальное привезут в течение часа. Вышло дороже, но либо так, либо пустая кухня. Чеки — в приложении и бумажные от курьера, для отчётности приложим. Деньги взяла из кассы бара, наличку не успели вчера сдать. Рома ни при чём.

— Отлично, — киваю. — Я бы сделал так же.

— Со спиртным — та же история. Особенно шампанское — сейчас его ждут все. Охранника отправила в «Метро» — у него машина, он единственный, кто мог и согласился. Список накидали с Ромой. Отдали ему последние сто тысяч из кассы, но, кажется, не хватит... Он сказал, что может расплатиться своей кредиткой — если вы потом вернёте?

Смотрит на меня — и в этом взгляде не жадность, а вина за смелость. Я усмехаюсь.

— Давай телефон. Сейчас разрулим.

Набираю охранника, уточняю детали, прошу взять в два

раза больше, чем в списке, — на всякий случай. Перевожу ему на карту пятьсот тысяч. Алкоголь — дорого. Но он же и приносит семьдесят процентов выручки.

— Что с бронью? — спрашиваю.

— Обзвонили всех на ближайшие три дня. Путаница с датами — Ирина Игоревна странно вела учёт бронирований. Мы всё поправили, столики перераспределили. Остальные даты — с седьмого — обзвоним чуть позже или завтра.

— Что говорили гостям?

— «Подтверждаем бронь, уточняем детали, ждём вас!» — чётко, без паники, без намёков на сбой.

— Ребята, ну вы и даёте, — говорю, и в голосе — искреннее восхищение. — Премия с меня — всем, кто участвовал. Анастасия, за мной. Есть разговор.

В кабинете сажаю её напротив. Даю чистый лист.

— Напиши всех, кто помогал сегодня.

Она пишет — всех. Только себя — нет.

— А ты? — спрашиваю.

— А мне не нужно... Я думала, будете ругать за самоуправство.

— Глупая, — говорю мягко, но твёрдо. — Без тебя я понёс бы не только финансовые, но и репутационные потери. А это страшнее денег. Ты заслужила — в двойном объёме. Дописывай.

Пишет.

— Мы остались без администратора, — говорю, глядя ей

в глаза. — Как насчёт... тебя?

— Нет! — пугается она. — У меня такого опыта нет, я не потяну... Это большая ответственность...

— А если я буду помогать? Научу? Ты — ответственная. Чёткая. И у тебя талант — видеть систему, даже когда она рушится. Мне нужен человек, которому можно доверить «Луну». Ты похожа на такого.

— А если не потяну? Уволите? Мне здесь нравится... Коллектив хороший и зарплата достойная.

— Нет. Вернёшься к официантам — тебя все хвалят. А пока... будешь помогать мне, если хочешь, неофициально. Как поймёшь — твоё это или нет — решим вместе с должностью.

Она кивает. С облегчением. И — с искоркой интереса в глазах.

Чувствую, сработаемся.

Весь оставшийся день она — на подхвате: звонки, документы, сверки, согласование новых поставок. Начудила Ирина знатно, долго ещё будем разгребать. К восьми вечера «Луна» готова принимать гостей. В штатном, даже усиленном режиме.

Я устал как собака. Но решаю дотянуть до конца. Может, ещё что-то выясню.

И на заднем плане, как заноза, всё время мелькает мысль: «Надо бы пробить ту малую... как её зовут? Где живёт?» Но руки не доходят. Всё — работа, работа, работа.

А потом... Проголодался. Решаю сходить на кухню, заказать поесть. Прохожу мимо танцпола — и замираю.

Там, среди мерцающих огней и пульсирующей толпы, в коротком чёрном платье, обтягивающем её тело, как вторая кожа, в сапогах на огромных шпильках, от которых у любого зрителя закружилась бы голова, — она.

Волосы распущены, развеваются в такт музыке, будто даже ветер знает: ей нельзя мешать. А в глазах — та самая искра. Та, что не гаснет от усталости, не тускнеет от разочарований, не прячется за масками «всё в порядке».

Она танцует — не для кого-то, не для инстаграма¹, не для впечатления. Просто танцует. Для себя. Смеётся — не в ответ на чью-то шутку, а потому что внутри — радость. Чистая, незамутнённая, почти детская.

И в этом смехе — всё, чего мне не хватало весь этот год: Лёгкость, которую я вытеснил под грузом «надо». Свобода, которую я продал за контроль. Жизнь — настоящая, дышащая, а не та, что отмеряется в отчётах и убытках.

Моя «малая». Моя «вы не в моём вкусе». Моя... заноза — та, что впилась в самый центр груди и не даёт забыть, колется...

Кажется, это уже не просто совпадение. Это — судьба, малая. И, похоже, она улыбается мне.

Ты думала, что после той сцены у сервиса всё закончится?

¹ * Instagram — сервис компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Что я просто уеду, забуду? Как бы не так.

Смотрю на неё и понимаю: аппетит как рукой сняло. Всё, что кипело внутри после бардака в кабинете, вся усталость, раздражение, напряжение — исчезло. Осталось только одно: желание знать.

Где и с кем ты отдыхаешь, мелкая?

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и иду к охране у VIP-зоны.

— Эй, Семён, — киваю старшему, — та девушка на танц-поле... блондинка в чёрном. С распущенными волосами.

— Уже отметил, — усмехается он. — Пришла с компанией. Два столика заняли в пятой зоне. С ней — пара парней и девчонки.

Я киваю.

— Спасибо. Присматривайте за ними, в хорошем смысле. Это моя знакомая.

Стою ещё секунду, наблюдая за ней издалека. Ну что ж, малая. Раз уж судьба подкидывает шанс, я его не упущу. И на этот раз не дам так просто уйти.

Глава 4. Вот и повеселилась София

Клуб решили штурмовать после одиннадцати. Не все пошли — у кого-то няня ушла, у кого-то ребёнок простудился (или это был повод?), у кого-то муж категорически «против». В итоге в «Луну» отправились пятеро девушек и трое парней. Остальные разъехались на такси, как герои сериала, когда сюжет уже не терпит продолжения.

Мы заказали два такси — в первом ехала я с парнями, во втором — душа компании и бутылка текилы, которую Маша тащила «на всякий случай». «Луна» оказалась местом в духе «дорого, но модно»: приглушённый свет, барная стойка из чёрного мрамора, официанты в обтягивающих рубашках и атмосфера, будто все здесь знают друг друга... или просто хорошо играют.

Нам сдвинули два столика недалеко от танцпола. Девчонкам — коктейли с цветочками и зонтиками, парням — что-то крепкое, чёрное и без названия. Мы подняли тосты, выкрикнули что-то вроде «пусть всё будет хорошо!» и отправились на танцпол — туда, где музыка глушила все мысли, а движения заменяли слова.

Настроение было на высоте. Я даже начала верить, что одиночество — это временно, а не мой вечный спутник с

чёрным юмором.

Когда вернулись к столику, за соседним уже сидели трое парней. Не подкатывали, не хамили. Честно, они приятно удивили. В наше время редкость — уметь просто общаться.

Я больше всех общалась с Владом. Симпатичный, улыбающийся, говорит легко, но в глазах — пустота, будто за ними не душа, а автозаполнение.

Через час двое его друзей уехали: «Ещё в одно место хотим заскочить, девчонки, не скучайте!» А Влад остался. И начал включать «харизму».

Я всеми возможными способами давала понять, что не заинтересована: — отворачивалась, когда он садился ближе; — отвечала односложно, как робот из службы поддержки; — уходила танцевать, если он слишком долго смотрел.

Потому что — нет. Не мой тип. Слишком молодой. Слишком «ищу себя» (а нашёл пока только кредитную карту папы). Слишком... пустой. Я ценю глубину, даже если она замаскирована под иронию или сарказм. А у него — только лакировка.

Ноги уже гудели. Отвыкла от каблучков — хорошие фотографии требуют удобной обуви, а не пыток. А я хороший фотограф. Включили медляк. Толпа на танцполе сжалась, пары прижались друг к другу, а я — рванула к столику, отбиваясь от двух ухажёров, которые вдруг решили, что я «одинока и грустна».

И тут — он.

— Малая, потанцуй со мной.

Голос низкий, чуть хриплый.

— Михаил? Вы меня преследуете?

Голос вышел чуть выше, чем хотелось бы. Я отступила на полшага, спиной крепко упёрлась в холодную колонну — будто искала опору не столько для тела, сколько для собственной уверенности.

Он не приблизился. Стоял в полуметре, руки в карманах, плечи чуть напряжены, но взгляд — спокойный.

— Нет. Спасая. Возвращаю долг за пирожки.

Слова прозвучали почти шутливо, но в них — сталь. И неожиданное тепло, которое заставило меня на миг задержать дыхание.

— Пошли, — сказал он чуть тише. — Нужно серьёзно поговорить.

Я молчала, глядя на его руки — большие, с заметными сухожилиями, но без грубости. Вспомнила, как он вчера аккуратно передавал мне стакан с кофе — без единого лишнего движения. Стоит, не вторгаясь.

— Давайте поговорим, — наконец ответила я. — Но танцевать с вами не буду. Не хочу.

Уголок его рта дёрнулся — не улыбка, но почти.

— Вот же заноза мелкая... — бросил он, и в голосе — не раздражение, а что-то странно тёплое, почти ласковое.

Он сделал шаг вперёд и, не спрашивая, взял меня за локоть. Не схватил. Не потянул. Просто — обхватил. Ладонь

была тёплая, сухая, пальцы чуть шершавые — как будто он много работал руками. И прикосновение это не давило, а... удерживало. На мгновение я замерла — кожа под его пальцами будто ожила, посылая лёгкую дрожь вверх по руке.

— Тогда пошли сразу к охране, — сказал он, не отпуская. — Посмотрим кино про твоего «друга».

Я попыталась упираться, но он аккуратно повёл меня в сторону служебного входа. Ни давления, ни грубости — просто так, будто мы давно договорились о встрече, и я просто забыла.

— Малая, там всё серьёзно. Сама увидишь. Я не обижу. Я тут... работаю.

Мы вошли в комнату охраны. Куча мониторов, кресло и охранник, уткнувшийся в телефон.

— Андрюха, телефончик на рабочем месте — нехорошо.

— Простите, Михаил Александрович! Жена пишет... Беременная, не могу игнорировать...

Он отложил телефон в сторону. Я подняла бровь. Михаил Александрович? По ходу, не просто охранник.

— Давай пятую камеру, время ноль один тридцать. Нужно посмотреть запись.

Андрюха нервничал — что-то не получалось. Тогда Михаил махнул рукой:

— Ну-ка, встань. Я сам.

Он сел, положил свой телефон рядом с Андрюхиным, быстро нашёл нужный фрагмент и кивнул мне:

— Подойди.

На экране — Влад. Когда за нашим столом никого не было, он пересел, оглянулся — и высыпал что-то белое в мой бокал.

— Вот же утырок... — вырвалось у меня.

— А теперь пошли.

Он забрал телефон, провёл меня в кабинет администратора — светлый, с кожаным диваном и ароматом свежесваренного кофе.

— Присаживайся.

— Ну что, что будем делать с твоим парнем?

— Он не мой парень! Мы познакомились сегодня!

— Видимо, у него были планы... продолжить общение. В горизонтальной плоскости. Он у охраны. Тебе решать — отпустить или вызывать полицию.

Я вздохнула.

— Да что ж за день такой... Без ментов не обойдётся?

— Малая, решай сама. Ты — жертва. Можем припугнуть и отпустить.

— Ага, шас. Отпущу его, а он завтра другой подсыпет. А потом ещё и ещё. Нет, так дело не пойдёт. Вызывайте ментов, Михаил.

— Наш человек, — усмехнулся он. — Молодец, малая. Но это надолго — придётся подождать.

— Да ладно. Я и так устала. Ноги гудят... Отвыкла от каблучков. Хоть посижу спокойно.

Он сходил за моими вещами, принёс сумку и куртку в одной руке. А в другой держал нечто новое: аккуратную коробочку с отельными тапочками в прозрачной упаковке и плотный плед цвета тёплого песка, ещё пахнущий магазинной плёнкой и лёгким запахом хлопка.

Положил всё на диван рядом, не торопясь, как будто это самое естественное дело на свете — приносить чужой женщине плед и тапочки.

— Переобувайся, — сказал он, не глядя на меня. Голос — ровный, чуть хриловатый, как будто говорил сквозь усталость, но без раздражения. — Ты тут надолго. Поэтому чувствуй себя как дома.

Он замолчал на секунду, будто давая словам осесть, а потом добавил, уже поворачиваясь к двери:

— Ноги прикрой. Сейчас куча мужиков набегит — дежурные, охрана, может, ещё кто из медиков. Не хватало потом от них тебя отбивать.

Я сидела, не шевелясь. Пальцы сами потянулись к упаковке. Плёнка хрустнула под ногтями — резко, почти громко в тишине комнаты. Тапочки оказались мягкие, с пушистой внутренней подкладкой. Правда, размерчик великоват — 42 — 45.

А плед... Я накинула его на колени — и сразу стало легче дышать. Ткань была чуть шершавой, но приятной, как старый свитер, и тяжёлой ровно настолько, чтобы ощущать: ты прикрыта. Защищена. Не только от взглядов, но и от холода

— настоящего и того, что внутри.

Я написала девчонкам, что ухожу, перевела деньги за заказ и глубоко выдохнула.

Вот так повеселилась.

Через десять минут в кабинет вошли трое: двое в форме, один — в кожаной куртке и с усталым взглядом.

— Здорово, Миха! — протянул руку один из них. — Ты на этих отморозков специально охотишься? Это уже какой — четвёртый или пятый?

— Лёх, я не знаю. Им, по ходу, у меня «намазано».

Представления, показания, спокойные, но чёткие вопросы. Я рассказала всё: имя — Влад, фамилию не знаю, контактами не обменивались, познакомились сегодня, ничего личного.

Михаил всё это время был рядом. Не вмешивался, не мешал, но иногда странно поглядывал на служителей порядка и делал какие-то знаки.

— Лёх, я там помял его немного, — сообщил Михаил, когда служители порядка пошли за Владом. — Нос, скорее всего, сломал. Кровищи было... Если вдруг рыпнется на меня — предупреди, буду принимать меры.

Сидели вдвоём. Я молчала, уставившись в пол — в трещину между досками, в крошку под столом, в тень от ножки стола... Куда угодно, только не в его глаза. Надо бы поблагодарить. За всё. За то, что вмешался. За то, что не оставил одну. Но язык будто прирос к нёбу — ни звука.

Михаил молчал рядом. Но я чувствовала его взгляд — не тяжёлый, не навязчивый, а... внимательный. Как будто разглядывал не меня, а то, что за моей тишиной прячется.

— София, значит, — наконец произнёс он тихо, почти без интонации.

— Угу, — выдавила я, не поднимая глаз.

— Ну что, София... приятно познакомиться.

Он сделал паузу, будто пробуя имя на вкус.

— Не так я себе это представлял. Но... как есть.

Я чуть повернула голову. Он смотрел прямо, без улыбки, но и без жалости — это главное.

— Михаил... а у вас... проблем не будет? — голос сорвался на шёпот. — Этот Влад... Я так поняла, у него родители — какие-то шишки в городе.

Он хмыкнул, не отводя взгляда.

— Шишки? Ну, допустим. А ты думаешь, им приятно будет, когда весь город узнает, как их «сыночка-корзиночка» развлекается с подсыпанием наркотиков девушкам? Ребята сейчас все похожие дела поднимут, землю носом рыть будут, искать его причастность.

— Они же могут и в суд подать... за побои.

— Пусть подают.

Его голос стал твёрже, но не грубее — скорее, увереннее.

— Устроим разнос на весь город. Пусть узнают, чем их отпрыск дышит. Мне только в радость будет.

Я молчала. В горле стоял ком.

— Ммм... хорошо. А меня теперь... по ментовкам затаскают? Как потерпевшую или как свидетеля?

— Не затаскают. Я договорюсь.

В его словах — не обещание, а факт. Как будто он уже всё обдумал, просчитал, закрыл дыры.

— ...Спасибо, — шепнула я и вдруг поняла, что глаза горят. Быстро моргнула.

Он наклонился чуть ближе, но не прикоснулся.

— А ты чего приуныла, малая? Зло должно быть наказано. Всё правильно. Так и должно быть.

Я подняла на него взгляд — не уверенный, но искренний.

— Да я думаю... что там? Что он подсыпал? И чем всё могло кончиться?

Михаил сделал паузу. Не смягчал, не приукрашивал. Просто сказал — чётко, без обиняков:

— Обычно подсыпают лёгкий наркотик. Вроде бы весело, голова кружится, а потом — туман. Увёз бы тебя в полубессознательном состоянии, изнасиловал, а ты бы очнулась одна, ничего не помня. Ни лица, ни места, ни даже как туда попала. Вот и весь рассказ. И это... — он чуть помолчал, — самый позитивный сценарий.

Я замерла. В комнате всё ещё было тихо, но теперь эта тишина — не пустота, а пространство для осознания.

Сидела. Молчала. Осмысливала. Сердце стучало где-то в горле. Но рядом — он. И это... меняло всё.

— Кофе хочешь? Или перекусить? Я с утра, кроме твоих

пирожков, ничего не ел.

— Чай и десерт какой-нибудь хочу. Есть у вас тут такое?

— Организуем.

Через пять минут — чайничек, две кружки, чизкейк и горячие бутерброды с трюфельным маслом.

— Угощайся.

— Только чизкейк. Спасибо...

Молчание. Потом:

— И вообще... спасибо, Михаил. Вы... вы правда меня спасли. Я даже думать боюсь, чем бы всё кончилось.

Он посмотрел на меня — не с жалостью, не с жадой признания, а просто... внимательно.

— Я обычно с осторожностью отношусь к незнакомцам. Вот с вами, например...

— Ммм... А с этим что? Со стороны вы вполне мило общались. Или он просто в твоём вкусе?

— Нет. Я ему надежд не давала. Он тоже не в моём вкусе.

— А какой у тебя вкус, малая?

Пауза. Он наклонился чуть ближе.

— А что, если я — именно тот вкус, который ты ещё просто не пробовала?

— Не думаю.

— Давай так. Я тебя сегодня спас? Спас. Хочу свидание в награду. Одно. Чтобы понять — что там с твоими вкусовыми рецепторами.

Я уставилась на него. Он — серьёзно? Или издевается?

— А если я откажусь?

— Придётся за тобой ухаживать, — сказал он, будто констатируя очевидное. — Судя по твоему характеру... долго... очень долго.

Голос — ровный, чуть хриловатый, без пафоса, но с такой уверенностью, будто он уже всё видел: и мою ярость, и усталость, и тот момент, когда сопротивление станет бессмысленным.

— Звонить. Писать. Цветы слать. Подарки. Брать измором.

Он перечислял это почти механически.

— Ты будешь психовать. Выкидывать цветы и подарки. Не брать трубку. Потом вообще поменяешь номер...

Пауза. Взгляд — прямо в глаза.

— А ещё чуть позже поймёшь: он не уймётся. И проще сходить на это чёртово свидание, сказать: «Нет, ты не мой тип» — и я отстану.

Я рассмеялась. Неожиданно. Невольно. Смех вырвался сам — резкий, чуть дрожащий, как будто что-то внутри отпустило. Я даже прикрыла рот ладонью, будто пытаюсь вернуть звук обратно. Но было поздно.

— Вы... вы реально будете так делать? — спросила я, всё ещё чувствуя, как щёки горят от странного смешения смеха и тревоги.

— Абсолютно, — ответил он. Без пафоса. Без игры. Просто — факт.

Я сжала пальцы на коленях, будто возвращая себе контроль.

— Ну ладно. Одно свидание. На моих условиях.

Он чуть наклонил голову — не в вопросе, а в ожидании удара. Я улыбнулась — холодно, почти вызывающе.

— Сейчас я тебя сделаю, Михаил. Это будет худшее свидание в твоей жизни.

— Договорились. Какие условия? — спокойно спросил он, будто не слышал угрозы.

— Вы до сколько работаете?

— Клуб — до четырёх. Но я могу уйти раньше.

— Отлично. Тогда свидание — сегодня. В четыре утра.

Он прищурился. Взгляд стал плотнее, как будто пытался разглядеть, где ловушка.

— Я думал, мы начали ладить... — произнёс он медленно. — Хотела напугать, малая? Типа: утро, никуда не пойти, ничем не удивить?

Я молчала, наслаждаясь секундой превосходства.

Но он лишь покачал головой — не с раздражением, а с тихим, почти ласковым сожалением.

— А я и не собирался удивлять. Ни ресторанами, ни цветами, ни подарками.

Он сделал паузу, и в его голосе появилось что-то новое — не напор, а... искренность.

— Я уже понял. Это не про тебя. Просто хочу провести с тобой время наедине. Без масок.

Меня будто током ударило. Он не только не испугался моих условий — он меня переиграл. В моей же игре. Спокойно, без театральности, как человек, который давно перестал нуждаться в уловках.

— И да, — добавил он, вставая, — сиди тут до четырёх. А то найдёшь ещё приключений на свою прекрасную задницу.

— Что?! — вырвалось у меня. Голос сорвался в негодовании, но щёки снова залились теплом.

— Здесь сиди. Мне так спокойнее.

Я вспыхнула.

— Вы вообще обнаглели, Михаил?

Он усмехнулся — едва заметно, но в глазах мелькнуло что-то тёплое, почти лукавое.

— Даже не начинал. Планирую с четырёх утра. Готовься.

Он подошёл, не спрашивая, и поправил плед на моих поджатых под себя ногах — пальцы на мгновение коснулись щиколотки. Лёгкое, ненавязчивое прикосновение. Но кожа мгновенно откликнулась — мурашками по всему телу.

Потом он сел за стол, взял стопку бумаг и ушёл в работу — как будто только что не перевернул мою игру с ног на голову.

А я осталась сидеть с чашкой чая в руках — тёплой, почти остывшей, как мои планы на «худшее свидание». И ждала. А странное предчувствие всё нарастало.

Глава 5. Знакомство. Без масок

Михаил

Я не собирался подходить сразу. Устроился на втором ярусе — там, где бар переходит в галерею. Отсюда видно и танцпол, и их столик у края, и при этом я в тени: никто не замечает. Стоял, прислонившись к колонне, с бокалом содовой в руке.

Хотел понять: с кем? Что за компания? Что за парни? Все одного возраста — плюс-минус год. Одежда — не клубная, не «на показ». Джинсы, рубашки, лёгкие платья. Судя по смеху — искреннему, без натуги — и по тому, как держатся: без пар, без притворства. Ни объятий, ни шёпота в ухо, ни «случайных» прикосновений. Просто дружба. Настоящая. Такая, что редкость в этом городе. Скорее всего — одноклассники. Или одnogруппники. Выбрались отметить что-то важное. Или просто напоминают друг другу: «мы ещё есть друг у друга».

А вот соседний столик — совсем другое дело. Трое парней. Не из их круга. Приблудились. Двое ушли почти сразу. А третий остался.

Мажор.

Улыбка — как с рекламы зубной пасты: белая, ровная, без единой тени. Волосы уложены так, будто за ними ухаживает

целая команда. Одежда — дорогая. Но парень — без души. Взгляд — игривый, лёгкий... но пустой. Не глупый — нет. Просто... вылизанный.

И он уже положил глаз на неё — на малую.

Я читал это по жестам. По тому, как он наклонялся ближе, когда она говорила. По тому, как его пальцы касались её стула, её бокала — будто метил территорию. Как будто она уже его.

А она? Она отстранялась. Не грубо — нет, не её стиль. Но чётко. Поворачивала плечи, отвечала односложно, уходила танцевать при первой возможности. Глаза — вежливые, но стальные. «Не трогай», — говорили они.

Я уже собирался спуститься. Подойти, обозначить присутствие — не как угрозу, а как факт: она не одна.

Но тут — это.

Момент. Один. Единственный.

Все отошли: кто на танцпол, кто в туалет, кто покурить на свежем воздухе. Она оставила бокал на столе — чуть больше половины, с соломинкой и ярко-розовым зонтиком. «Секс на пляже». Дурацкий коктейль. Но милый — как и она.

Он оглянулся. Быстро. Нервно. Как крыса перед кражей. И высыпал в бокал белый порошок из маленького пакетика.

Сердце у меня остановилось. Не метафора — физически. Грудь сжало. В ушах — тишина, потом звон. Я не успел подумать. Не успел взвесить.

Я просто двинулся по инерции.

Схватил его за воротник — не за волосы, не за шею. Так, чтобы позвоночник хрустнул от рывка, но чтобы не сломать.

— Кто ты? — выдохнул он, пытаясь обернуться.

Не ответил. Приложил лицом к столу. Раз. Два. Кровь брызнула из носа — на модную рубашку.

— Сука! — прохрипел он, пытаясь вырваться.

Я молча потащил его к службе охраны.

Семён уже ждал у двери. Он знал по моему лицу — сегодня не просто «разборки», а что-то серьёзное.

— Пятая камера, ноль один тридцать, — бросил я, вталкивая Влада в кабинет.

— Понял, — кивнул Семён, уже щёлкая мышкой.

Запись — как удар ножом. Чёткая. Без шансов отвертеться.

— Вот же ублюдок... — прошипел я. — Лёху вызывай. Пусть забирают. Этого — в подсобку пока. Сейчас девушку приведу.

Она как раз убегала от двух подвыпивших «джентльменов», которые решили, что одиночество на танцполе — приглашение. Медляк. Музыка — томная, обволакивающая, с вибрацией в груди. Танцпол полон пар, прижавшихся друг к другу. Диджей знает толк в своей работе.

Я встал у неё на пути.

— Малая, потанцуй со мной.

Голос вышел хриплее, чем хотел. Не из-за усталости. А от напряжения. От того, что внутри ещё не улеглась ярость —

а уже росло что-то другое. Тёплое. Опасное.

Она моргнула. Потом напряглась.

— Михаил? Вы меня преследуете?

На что рассчитывал — непонятно. К «старый, и вы не в моём вкусе» прилепилось ещё и «преследователь». И всё это — за один день. Просто ахрененный набор, Миха, ты собрал. Даже в Tinder так не забанили бы.

Я не стал отшучиваться.

— Нет. Спасибо. Возвращаю долг за пирожки.

Она чуть расслабилась. Но только чуть.

— Давайте поговорим. Но танцевать с вами не буду. Не хочу.

— Вот же заноза мелкая... — усмехнулся я.

И, не спрашивая, взял её за локоть.

Кожа — тёплая. Под пальцами — лёгкая дрожь. Не от страха. От напряжения. От того, что она всё ещё не понимала: я уже на её стороне.

— Тогда пошли к охране. Посмотрим кино про твоего «друга».

Она не поняла, о чём я. По глазам — ясно. Но пошла.

В комнате охраны, когда увидела запись, её лицо изменилось. Не страх. Не слёзы. А ярость — холодная, сдержанная, взрослая.

— Вот же утырок... — выдохнула она.

И я чуть не улыбнулся. Потому что в этом — вся она. Не жертва. А боец. Просто пока не знала, что бой уже начался.

Отвёл её в свой кабинет. Тихо. Тепло. Без посторонних глаз — ни любопытных официантов с их «а что там случилось?», ни «джентльменов» с танцпола, ни даже Семёна, который, кажется, окончательно понял: это не просто «знакомая».

Принёс тапочки — мужские, 42—45, мягкие, в фирменной упаковке. Прислали бесплатно неделю назад как образцы для новых номеров — мол, «попробуйте, решите, брать или нет». Новые, с махровой подкладкой, чтобы не скользили по полу.

Увидел, как она переступает с ноги на ногу — незаметно для других, но я-то знаю этот жест. Устала. И неудивительно: на ней обувь, которая годится только для фотосессий, съёмок клипов или, в крайнем случае, для того, чтобы красиво уйти от бывшего, оставив его с разбитым сердцем. Каблуки — по пятнадцать сантиметров, если не больше.

Как ты на них вообще стояла, не то что танцевала? — мысленно покачал я головой, глядя на её хрупкие лодыжки. — Ещё и не переломала себе эти ножки — чудо, а не женщина. Или, может, просто привыкла держать равновесие... даже когда мир под ногами крошится.

Плед — плотный, хлопковый, без вычурных узоров. Тоже образец. «Люкс-комфорт», как написано на бирке. Но ей он нужен не как реклама, а как якорь. Потому что её слегка потряхивало. То ли от холода — платье-мини и приоткрытое окно не лучшие союзники. То ли от того, что до неё доходи-

ло: чуть-чуть — и всё пошло бы иначе. То ли от простого, человеческого шока — когда тело наконец даёт выход тому, что разум всё ещё держит в узде.

— Ноги прикрой, — буркнул я, будто сердясь, хотя внутри всё сжималось. — Сейчас сюда набегит куча мужиков. менты, медики, охрана... Не хватало ещё от них тебя отбивать.

Она хмыкнула — тихо, но укрылась.

Лёха пришёл с двумя коллегами. Всё по форме. Но я сразу прочитал в его глазах: «Снова эти ублюдки?»

— Мих, ты на этих отморозков специально охотишься? — спросил он, пожимая мне руку. — Это уже четвёртый за месяц.

— Не ищу. Просто они лезут, где не надо.

Он кивнул. Знал. У Лёхи своя боль — сестру изнасиловали около года назад. Тоже в клубе опоили. Виновника не поймали. Он роет землю, чтобы найти хоть ниточку. Пока не нашёл. Но найдёт — я уверен. И такие, как Влад, — его личная мишень.

Но когда Лёха наклонился к Софии, чтобы что-то уточнить, и его рука почти коснулась её плеча... Я сжал кулаки так, что кости хрустнули. *Она ещё не моя, держи себя в руках*, — повторял я себе. Но тело уже решило иначе.

Лёха, конечно, всё понял. У него глаза — как у гончей. Когда провожал его, он тихо сказал:

— Мих, извини, не сразу понял, что твоя. Думал, ты нос

ему случайно сломал. А, видимо, намеренно.

Пауза. Усмешка.

— Очень красивая. Поздравляю.

— Ага, — буркнул я.

А внутри опять что-то оттаяло.

Остались вдвоём.

Она молчала. Смотрела в пол — куда угодно, только не на меня.

Но я ловил каждое её дыхание. Каждый лёгкий вздох. Имя — София. Мягкое. Но в ней — сталь. И огонь. И характер, который не согнёшь. Она сегодня это подтвердила, смелая малышка.

— Михаил... а у вас проблем не будет? — прошептала она. — Влад... его родители, кажется, шишки в городе...

Я хмыкнул.

— Шишки? Ну и пусть. Пусть подадут в суд. Мне только в радость.

Пауза.

— Пусть весь город узнает, как их «сыночек» развлекается с подсыпанием наркотиков девушкам.

Потом мы пили чай. Она ела чизкейк — маленькими кусочками, почти задумчиво. А я... как дурак, облизывался. Не на десерт. На неё.

Не хотела соглашаться на свидание — пришлось манипулировать.

— Придётся за тобой ухаживать, — сказал я.

И не шутил. Я готов звонить каждый день. Писать. Стоять под окном. Ждать. Потому что то, что я почувствовал, когда увидел, как этот отморозок сыпет порошок в её бокал... это не просто ярость. Это — страх. За неё. За то, что могло случиться. За то, что я чуть не опоздал. И такое я чувствовал впервые.

Когда она назначила свидание на четыре утра — я почти рассмеялся. Хитрая, заноза. Думала, что выбьет почву из-под ног. Но она не знала: я привык добиваться своего. Привык ждать. А утро — самое честное время. Никаких масок. Только правда. И мы.

Перед уходом поправил плед на её ногах. Пальцы коснулись щиколотки — лёгкое, мимолётное прикосновение. Но она не дёрнулась. И я почувствовал: мурашки пошли не только у неё.

Сижу за столом, делаю вид, что работаю. Но на самом деле — готовлюсь к свиданию.

Впервые за много лет я не думаю о том, что будет завтра. Я думаю только о четырёх утра. О ней.

Если она думает, что это будет худшее свидание в моей жизни, — пусть. Лишь бы оно было. Лишь бы она была рядом.

Потому что, кажется, я нашёл то, что искал, — даже не зная, что искал.

Времени мало. Открываю браузер. Пальцы сами набирают: «Громова София». Не из-за того, что я преследователь.

Просто я очень внимательно слушал — каждое слово, каждую паузу. Запомнил всё: ФИО, дату рождения, адрес. Только телефон упустил — с этим у меня всегда беда. Цифры в голове не держатся, хоть убей.

Но адрес есть — уже неплохо. А телефон добуду. Не беда.

Нахожу её «ВКонтакте» почти сразу. Страница открыта: она фотограф, ей важно показывать работы, быть видимой. И к лучшему для меня.

Первым делом — галерея. Смотрю. И — чёрт возьми — нравится. Не «мило», не «симпатично». А по-настоящему. У неё свой взгляд. Не шаблонный, не как у всех этих «эстетичных» инстаграм²-мастеров с одинаковыми фильтрами и позами. У неё — свет, тень, эмоция. Даже в портретах чувствуется, что человек внутри живой, а не манекен.

Потом — музыка. От Limp Bizkit до Asti и обратно. Меломанка. Или просто душа, которая не помещается в одну колонку. Творческая натура — они редко бывают однобокими. Им нужно всё: и рок, и нежность, и хаос, и тишина.

Листаю посты. Короткие, редкие. Ни нытья, ни пафоса. В основном — про работу, ничего личного. Статусы — с юмором, но с умом.

Фотоальбомы — быстро. Не подглядываю, просто проверяю. Ни совместных селфи с «любимым». Ни таинственных «он подарил». Ни даже намёка на кого-то рядом. Только она,

² * Instagram — сервис компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

её камера, друзья, улицы, природа.

Вывод: по крайней мере сейчас — свободна. И на том спасибо. Отбивать было бы сложнее.

Иду организовывать досуг. Останемся здесь — сэкономим время на перемещениях, да и сил у нас уже с гулькин нос. Она еле на ногах, я — в состоянии «работай, тело, ещё час». А четыре утра — не шутка.

Отдаю распоряжения ребятам:

— Готовьте випку к четырём. — Свечи. Настоящие — не LED-подделки. Чтобы свет был тёплый, не резал глаза. — Закуски лёгкие, но разные. Фруктовую нарезку. Чай — хороший, крупнолистовой. И бутылку воды. — И чтобы всё было без суеты. Тихо. Доставили — и исчезли.

Подхожу к диджею — парень лет тридцати, в наушниках. — Слушай, у меня тут... ситуация.

Кратко объясняю: нужно собрать из музыки девушки только медленные, спокойные композиции. Чтобы фоном шли — еле слышно, из колонок. Никакого напора. Только атмосфера.

Он кивает. Открываем её страницу у него на ноуте, листает её плейлист, уже что-то отмечает.

— Сделаю в лучшем виде, — говорит с лёгкой усмешкой. — Уважаю тех, кто знает, что хочет.

Ухожу. Ну вот. План-капкан готов. Свечи, музыка, чай, фрукты — никакой драмы, никакого пафоса. И мы — уставшие до чёртиков, но в безопасности. Посмотрим, что из это-

го выйдет.

Хотя... Если честно, уже не важно, «выйдет» или нет. Главное — чтобы она почувствовала: рядом не угроза. А человек, который хочет просто быть рядом. Без масок. Как и обещал.

Глава 6. Лучшее худшее свидание София

Я устала. По-настоящему. Не телом — хотя каблуки, конечно, убили меня ещё в первом часу ночи — а душой. Всё это напряжение, адреналин, вопросы, взгляды... Оно оседает где-то глубоко, тяжёлым комом под рёбрами. И теперь начинает морить — не болью, а той самой слабостью, когда хочется просто лечь, закрыть глаза и чтобы никто не требовал ничего: ни слов, ни решений, ни даже улыбки.

Уже жалею, что назначила это дебильное свидание сегодня. Кто вообще придумывает встречаться в четыре утра? Только дура, которая решила «проучить» взрослого мужика. А теперь сижу, как идиотка, с кружкой остывшего чая и думаю: ну и зачем я это затеяла?

Ровно в четыре Михаил захлопывает ноутбук. Не «примерно», не «в районе» — ровно. Как будто у него в голове часы с боем. Встаёт, подходит — не торопясь, но и без пауз — и говорит тихо, почти шёпотом:

— Ну, пойдём, малая. Наше свидание начинается.

Я приподнимаю бровь.

— Куда мы идём? Мне обуться нужно, где мои вещи?

— Не надо, — отрезает он, но без грубости. — Всё — не отходя от кассы. Я же не изверг, чтобы ещё куда-то тебя

тащить в таком состоянии.

Боже, как я ему благодарна в этот момент.

Потому что «идти куда-то» — это последнее, чего я хочу. Даже думать об этом — усилие.

Он берёт мой плед с дивана и ещё хватает со стола лист бумаги с ручкой. Интересно... А это зачем?

Мы выходим из служебного коридора, он ведёт меня наверх — туда, где вип-зоны. Клуб уже закрывается, посетителей нет, официанты убирают со столиков, бармены наводят порядок за стойкой.

Заходим в крайнюю вип-комнату. Дверь закрывается за нами — и мир как будто приглушается.

Полумрак. Тёплый свет. На низком столике — свечи (настоящие, с дрожащим пламенем), тарелка с фруктами и закусками, чайник на подставке с тлеющей свечкой под ним. Две кружки. Бутылка воды. Стаканы. Всё.

Небольшой диванчик, максимум на троих. Подушки — мягкие, будто только что из сушилки. Из колонок — тихо, едва слышно — доносится музыка. Эта песня... Я узнаю её сразу. Иногда включаю, когда накатывает настроение порефлексировать. Мягкая, грустная, но не убивающая — как лёгкий дождь.

Он подкидывает на мою сторону ещё пару подушек и аккуратно кладёт плед мне на колени.

— Всё чистое, — говорит, будто читая мысли. — Попросил сменить чехлы на диване и подушках после гостей.

Пауза. Голос становится чуть мягче:

— Располагайся, как тебе удобно. Просто посидим. Поговорим.

На стол он кладёт свой телефон, лист бумаги и ручку.

Я не выдерживаю:

— А это зачем? — киваю на бумагу.

Он чуть усмехается — не насмешливо, а с лёгким вызовом:

— Хочу предложить сыграть в игру. Проигравший загадывает желание. Без пошлости, естественно. Что-нибудь простое. Реально выполнимое.

Я устраиваюсь поудобнее: подтягиваю ноги под себя, прижимаю пятки к дивану, накрываюсь пледом.

— И во что будем играть? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал небрежно, а не дрожал от усталости.

— Знаешь игру «Правда или действие»? — Он слегка наклоняется вперёд, локти на коленях, руки сцеплены. — Давай скорректируем. Просто разговариваем. Задаём друг другу вопросы — какие захочешь. Если не хочешь или не можешь ответить — получаешь балл. У кого больше баллов к концу свидания — тот проиграл.

— Ммм... интересно. — Я прищуриваюсь. — А откуда ты узнаешь, что я отвечаю честно?

Он смотрит прямо — без уклончивости, без игры:

— Всё только на доверии. Я обещаю тебе: либо отвечаю честно, либо отказываюсь — и тогда мне балл. Честность или

пропуск. Никаких полумер.

Его слова звучат так просто, что становится неудобно. Поэтому что я привыкла, что «честность» — это редкость, почти каприз. А он говорит об этом, как о чём-то само собой разумеющемся.

— Ну хорошо, — киваю. — Я тоже обещаю отвечать честно. Только без пошлых вопросов, ок?

— Обижаешь, — усмехается он, и в уголках глаз мелькает усталая, но тёплая искра. — У нас же только первое свидание. И я — джентльмен.

— Договорились. Кто начинает?

— Дамы вперёд.

Я делаю паузу. Не из кокетства — из осторожности. Поэтому что первый вопрос — это всегда шаг на лёд.

— Зачем вам это свидание, Михаил?

Он не моргает. Не отводит взгляд. Не приукрашивает.

— Ты мне понравилась. С первого взгляда. Зацепила — и танцами, и песнями, и... искрой в глазах.

От его прямоты пересыхает во рту. Я тянусь к бутылке с водой — неуклюже, как человек, которого застали врасплох.

Но он перехватывает:

— Давай я налью.

Берёт бутылку, наливает в стаканы — мне полный, себе чуть меньше. Протягивает. Его пальцы почти касаются моих — и я ловлю себя на мысли, что не хочу отстраняться.

Потом он достаёт из кармана блистер с таблетками.

— Цитрамон. От головы. Болит, когда не сплю по ночам.
Поделиться?

— Нет, спасибо. Голова не болит.

Пью воду. Холодная. Освежающая.

Из колонок тихо вступает следующая песня. Тоже из моего плейлиста. Совпадение?

— У тебя очень красивое имя, — говорит он. — И от него так много производных. Какие нравятся? Какие — нет?

Вопрос кажется простым. Но имена — это про то, как тебя видят.

— Ну... София — нормально. «Софа» — в основном так друзья называют. Родители ещё «Соней» зовут. А не люблю... — морщусь, — когда говорят «Софья». Звучит как из девятнадцатого века, и грубо как-то. А «Софочка» — вообще... — закатываю глаза, — как из анекдота.

Он смеётся — тихо, без издёвки, с настоящим пониманием.

— Принял. «Софочка» — табу.

— Кем вы тут работаете, Михаил? — спрашиваю, осторожно возвращаясь в игру. — Вы администратор?

— Нет. Владелец. — Он произносит это спокойно, без пафоса. — Но сегодня за некомпетентность пришлось уволить администратора, поэтому временно заменяю.

Вот как... Всё сразу встаёт на свои места. Его уверенность. Отношение персонала. Даже то, как охрана замирает, когда он проходит. Он не просто работает здесь. Он — хозя-

ин. И, судя по всему, не только клуба.

— У меня не только клуб, — добавляет он, будто угадав мои мысли. — Если интересно, расскажу?

— Нет, — отвечаю чуть резче, чем хотела. — Пока достаточно.

Он не обижается. Просто кивает и берёт чайник:

— Чай налить?

— Давайте.

Тишина. Только пламя свечей потрескивает, да музыка шепчет на заднем плане.

Потом он смотрит на меня — не оценивающе, а... мягко:

— А сколько ты мне ещё будешь выкать?

Я отвожу взгляд, поправляю край пледа.

— Не знаю. Пока не готова переходить на «ты». Вы для меня... слишком взрослый.

Он хмурится. Не от злости — от чего-то более личного.

— У нас всего тринадцать лет разницы, София. Это немного. В отношениях мужчина должен быть старше. Это нормально.

Я молчу. Может, он и прав — старше-то должен быть. Но не на тринадцать лет. Это не разница — это пропасть. Я росла в мире айфонов и Instagram³, а он, наверное, ещё помнит, как звонил по стационарному.

³ * Instagram — сервис компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

— Давай так, — говорит он, явно чувствуя моё сопротивление. — Какого возраста был твой последний парень?

— Отказываюсь. Это личное.

— Хорошо. Тебе балл.

Он берёт лист, аккуратно чертит посередине линию. Слева пишет «София», справа — «Михаил». В моей колонке — «1».

— Спрашивай. Твоя очередь.

— Вы женаты? Или были?

— Сейчас — нет. Свободен. В отношениях не состою. Был женат десять лет. Развелись год назад. Детей нет. Бывшая — в Москве. Не общаемся.

— А почему... — начинаю я, но тут же осекаюсь. — Ой, не моя очередь.

— Да ладно, — усмехается он горько. — Давай закроем эту тему сразу. Почему развелся?

Я киваю.

— Изменила. С моим другом. Можно сказать — компаньоном.

Он делает паузу, смотрит в чашку, будто оттуда можно черпать спокойствие.

— Пять лет... носил рога и не знал.

Улыбается — но в глазах — боль, прикрытая иронией.

— Закрываем тему?

— Да. Ваша очередь.

Он молча подвигает ко мне тарелку с закусками — будто

хочет, чтобы я заняла рот, а не думала о его боли.

— Расскажи, — говорит тише, — какой у тебя вкус на мужчин? Хочу понять, что со мной-то не так.

Я смеюсь — нервно, почти беззвучно.

— Даже не знаю... Это сложно объяснить словами. Это не совсем характеристики, типа «высокий, блондин, с голубыми глазами и с чувством юмора». Это больше про... ощущения.

— Ну давай на ощущениях. Попробуй. Я пойму.

— Знаете... У меня мама и папа до сих пор нежны друг к другу. Через сорок лет! Всё так же заботливы, ласковы... Смотрят друг на друга как на сокровище. Я хочу как у них. А ещё брат... Он всегда на моей стороне. Даже когда я не права. Чуткий, внимательный. Помогает, решает проблемы. Прощает мне всё. Любит — по-настоящему. Безусловно.

— Понял, — усмехается он. — Ты залюбленная и избалованная принцесса в семье.

— Ну... типа того. Мне повезло с семьёй. Они — лучшие.

— Давай я подытожу, — говорит он, и в его голосе — не издёвка, а сосредоточенность. — А ты скажешь: так или нет.

— Я должен быть чутким, заботиться о тебе искренне. — Да. *(И тут же вспоминаю: тапочки. Плед. Как он поправил его на моих ногах. Как в сервисе хотел согреть меня кофе.)*

— Я должен быть рядом. Не только когда всё хорошо, но и когда плохо. — Угу. *(Он сидел рядом при допросе. Не вмешивался — но контролировал каждое слово.)*

— Я должен решать твои проблемы. — Естественно. (*Машина. Влад. Полиция — всё в один вечер.*)

— Я должен быть милым, но с характером. Настоящим. — Наверное... (*Кто ещё устроил бы свидание в четыре утра, зная, что я хочу его испортить?*)

— Я должен быть образованным. Умным. — Да. Хотелось бы. (*Интересно, какое у него образование?*)

— С чувством юмора. Харизматичным, но без перебора. — Точно. Без перебора. А то иногда бесят. (*И это — тоже про него. Даже его «малая» не раздражает — а греет.*)

— Я должен быть немного симпатичным. Следить за собой. Неухоженные толстячки — вряд ли в твоём вкусе. — Да... — шепчу я, глядя на него. На широкие плечи, на руки с сухожилиями, на эту усталую, но крепкую фигуру. Он описывает себя. А я поддакиваю... Как так получилось-то?

— Я должен быть чуть старше. Молодые — немного глуповаты для тебя.

Хочу возразить, но... он прав. Просто тринадцать лет — это не «чуть». Это — много.

— Да, — подтверждаю тихо. — Немного старше. Но не сильно.

— И главное, — он смотрит прямо в глаза, — ты должна нравиться такой, какая есть. Без масок. Ты не будешь подстраиваться.

— Да. Это очень важно.

Мы замолкаем. Смотрим друг на друга. И думаем, скорее

всего, об одном и том же: он подходит под описание...

И тут он выдаёт то, что выбивает меня из колеи:

— Ну да. Теперь всё понятно. Я точно не подхожу.

— Почему?! — вопрос вылетает раньше, чем я успеваю подумать.

Он улыбается — открыто, искренне, с лёгкой хрипотцой в голосе:

— Вот ты и попалась, малая.

Пауза. Глаза — тёплые, почти лукавые.

— Вот и я хочу понять... почему? Расскажешь?

Я замираю. Потому что он не отрицает. Он ловит. И в этой ловушке — не хитрость. А доверие. Он даёт мне шанс сказать: «Ты слишком стар. Слишком успешен. Слишком настоящий» — и уйти. Или... остаться.

— А теперь моя очередь, — говорю я, потому что не знаю, что ответить на его вопрос. Правда не знаю. «Возраст» звучит всё больше как отговорка. Как щит, за которым я прячусь от того, что уже начинаю чувствовать.

— Ну давай, — кивает он. — Можно несколько. Я и так получил достаточно информации из одного вопроса.

— Вы... изменяли жене?

— Нет. Я однолюб. И свой выбор предавать не стану.

— Почему нет детей? Не хотели?

— Хотел. Очень. Но не получилось. По анализам — проблем не было. Предлагал усыновление. Она отказалась. Сказала, что не сможет полюбить «чужого» ребёнка.

— А вы бы полюбили?

— Конечно. Родители — не те, кто родил. А те, кто воспитал.

Он делает паузу, почти шепчет:

— Меня тоже усыновили. У меня — прекрасные родители. Они любят меня. Я — их.

— Животных любите?

— Люблю. У родителей всегда были коты. С женой не завели — у неё аллергия. Сейчас никого нет: дома бываю редко, а домашние животные требуют внимания. Настоящего.

Я смотрю на него и думаю: он слишком... цельный.

— Михаил, вы какой-то чересчур идеальный. Расскажите пять своих плохих привычек. Или черт, которые — ну, в общем — не совсем позитивные.

Он усмехается — сухо, без пафоса:

— Ну... Я трудоголик. Не дружу с алкоголем: если выпью много — становлюсь буйным. Поэтому стараюсь не пить совсем. Курю. Иногда. Когда нервы на пределе. Матерюсь. Часто. Филигранно. Но только в мужских компаниях — при девушках стараюсь держаться. И... не мою посуду сразу после еды. Гречку потом приходится отскребать от кастрюли — даже после посудомойки.

Я сижу и не пойму: он врёт? Или просто не договаривает? Потому что если всё это правда — почему он один?

И тут снова сменяется песня. Звучит Vanessa Paradis — «Joe le taxi». Опять из моего плейлиста. Точно. Это уже не

совпадение.

— Откуда вы достали мой плейлист?

— ВКонтакте. У тебя страница открытая.

— Вы мне сегодня хоть раз соврали?

— Нет. — Он смотрит прямо. — Для меня враньё — как предательство. Зачем? Я же говорил: хочу, чтобы мы узнали друг друга без масок.

И в этот момент звонит его телефон. Лежит на столе, экраном вверх. На заставке — девушка. Молодая, смеющаяся.

Подпись: Любимая

Сердце замирает. Он смотрит на экран. Потом — на меня. Потом — снова на экран.

— Это не мой, — говорит растерянно.

— Да-да, конечно... — выдыхаю я, резко вскакивая. — А как красиво врал! Филигранно!

Пытаюсь выбежать, но путаюсь в пледе и в его чудовищно больших тапках. Почти падаю.

— София, стой! Это не мой телефон! Это недоразумение!

Я не слушаю. Вырываюсь в коридор. Клуб пуст. Персонал разошёлся. Только тишина и эхо моих шагов. Нужно забрать сумку, куртку, переобуться — и уйти. Быстро. Пока не стало ещё больнее.

Он идёт за мной, не отстаёт:

— София, поверь! Я, кажется, знаю, чей это телефон. Пожалуйста...

Я резко оборачиваюсь.

— И чей же?

— Андрюхи. Охранника. Я, по ходу, перепутал на столе. Он ещё тут. Пошли — на месте проверим.

Терять уже нечего. Иду.

Заходим. Андрюха сидит, пересматривает записи с камер. Телефон — на столе, рядом с его кружкой.

Михаил протягивает:

— Андрюх, кажется, твой телефон по ошибке взял. Тебе жена звонила.

Тот берёт, разблокирует — легко, по лицу. Михаил берёт свой — тоже разблокирует. Экран чист: ни звонков, ни сообщений.

— Андрей, — прошу я, — перезвоните жене. Она же не просто так звонит в такое время...

— Набери, — подтверждает Михаил.

Он кивает, набирает.

— Катюш, звонила? Почему не спишь?

Тихий, дрожащий женский голос из динамика:

— Андрюш... кажется, начались схватки. Я рожая. Мне страшно...

Андрей на секунду замирает. Потом — мягко, почти шёпотом:

— Котёнок, ты только не нервничай. Вызывай скорую. Я через час освобожусь и приеду. Сумка же собрана? Документы не забудь...

Михаил хлопает его по плечу:

— Андрюх, дуй к жене. Я сам закроюсь.

— Котёнок, всё будет хорошо, — говорит Андрей в трубку. — Жди меня. Буду через десять минут.

Он хватает куртку и выбегает. Михаил кидает вслед:

— Семёну напиши — если нужен будет отгул. Удачи.

Тишина. Мы снова одни.

Он смотрит на меня — пристально, без оправданий. Я молчу. Всё внутри дрожит.

— Можем закрыть этот вопрос? — спрашивает он тихо.

— Или хочешь — дам свой телефон. Посмотришь контакты, переписки... Вдруг там жена и семеро по лавкам, а я тут тебе свидания устраиваю?

Я чуть улыбаюсь — неловко, но честно:

— Не нужно. Я верю.

Пауза. Потом, чуть смягчаясь:

— Вам ещё и за охранника сегодня работать?

Мне становится его жалко. Он реально трудоголик.

— Да, — пожимает плечами. — Мне не привыкать. Могу и за него, и за официанта, и за бармена.

— И за бармена?

— Да.

— А можете мне коктейль сделать, «Секс на пляже»? Но без алкоголя... Я свой не допила.

Он смотрит на меня — долго, пристально. Потом уголки глаз приподнимаются.

— Пошли. Сделаю. Только совсем безалкогольным не по-

лучится — вкус будет не тот. Чуть-чуть добавлю. Только для баланса.

Он направляется за стойку — не как хозяин, а как человек, который знает каждую полку, каждый бокал, каждый шаг. Я присаживаюсь на барный стул: прохладная обивка, лёгкий скрип под весом, ноги болтаются — босиком, тапки сразу же сваливаются.

Он движется уверенно, без спешки. Ловко достаёт высокий бокал, несколько бутылок — стекло, этикетки едва различимы, — две упаковки сока и совочек со льдом. Лёд звонко постукивает о стекло. Звуки — чёткие, почти музыкальные: плеск жидкости, хруст кубиков. Получается красиво: красновато-оранжевый напиток. Потом берёт дольку апельсина, аккуратно накалывает на край бокала. Добавляет коктейльную вишню — глянцевою, красную, с блеском. Вставляет яркую, почти неоновую трубочку — розовую — и протягивает мне.

Делаю глоток.

— Ммм... класс! — вырывается искренне. — Ещё и с вишенкой... Бармен мне её не добавлял. А я их обожаю.

Он не отвечает сразу. Просто наклоняется, достаёт из-под стойки банку с вишней — ту самую, густую, в сиропе, с этикеткой на итальянском — и ставит передо мной.

— Угощайся. На здоровье.

Я улыбаюсь — искренне. Беру вишенку за хвостик, кладу в рот. Сладко. Прохладно.

Сижу, пью коктейль, закусываю вишней, чувствую, как напряжение медленно стекает по спине.

— Сонь, — вдруг говорит он, аккуратно ставя бутылки по местам, — что там с вопросами? Есть ещё? А то ты пока проигрываешь.

«Сонь». Не «малая», не «заноза», не формальное «София». Это имя, которое звучит только внутри моей семьи — в тепле, в безопасности, в любви без условий.

А теперь — он. И от этого внутри что-то ёкает.

Я прищуриваюсь, облизываю губы — от коктейля они чуть липкие.

— А вы уже придумали желание?

— Нет, — отвечает он, глядя прямо. — В конце свидания придумаю. Сначала хочу понять, чем оно закончится.

— Предлагаю закругляться, — говорю тише. — Вы всё равно отвечаете на все мои вопросы... Мне кажется, даже если начну жестить — смущаться буду я, а не вы. И ещё придётся все эти откровения выслушивать.

Он чуть улыбается — уголки глаз поднимаются, голос становится мягче:

— Совсем больше ничего не интересно?

— А вам? — спрашиваю в ответ.

— Мне — интересно всё. Могу слушать без перерыва.

Я откидываюсь на спинку барного стула, прижимаю ладонь ко лбу.

— Ммм... Михаил... а вы точно алкоголя не переборщи-

ли? Меня немного ведёт...

— Это от стресса, скорее всего, — отвечает он спокойно. — Я тебе полрюмки от положенного количества добавил. Даже бармен бы осудил. Воды?

Я хихикаю — смех выходит неожиданно, чуть звонко, почти девчачий.

— Нет... Ммм... Михаил... а вы знаете — вам с вашим именем повезло.

Он приподнимает бровь.

— Да? Почему?

— Ну... его как ни крути — оно мягкое.

— В смысле? Не понял.

— Вот есть имена, которые можно грубо сократить: Анька, Машка, Катька... Звучит резко, грубо. А ваше... — я делаю паузу, чуть усмехаясь, — даже если переделывать — всё равно мягкое. Мишка. Как игрушка плюшевая. Медведь-мишка.

Он замирает. Потом смотрит на меня — долго, пристально — и вдруг улыбается так, что в груди что-то дрогнуло.

— Ууу... София Александровна, — тянет он, намеренно пафосно, — больше тебе не наливаю. Ты уже примеряешься, как со мной ругаться будешь?

— Да нет! — быстро отвечаю, но щёки горят. — Я просто так сижу... прикидываю.

— Ну тогда имей в виду, — говорит он, наклоняясь чуть ближе, — я не в восторге от того, как ты мне «выкаешь» и

называешь Михаилом. Это почти как Софья для тебя.

— Могу «Михаил Александрович», если так лучше? — поддразниваю.

Он качает головой, но глаза смеются:

— Вот заноза мелкая... Нет. Не лучше. Так — ещё хуже.

Глава 7. В её вкусе, но...

Михаил

Малую начинает «вести». Хотя коктейль был слабый — не должно было так ударить. Но, видимо, не алкоголь сыграл. А сброс. То ли стресс, накопленный за ночь, наконец вырвался наружу, то ли усталость, что накрыла её, как тяжёлое одеяло, то ли просто то, что стены рухнули — и она позволила себе расслабиться. А может, от всего сразу.

Она сидит на барном стуле, ноги болтаются — в моих огромных тапочках, которые всё время сползают, — и улыбается. Не той вежливой, отработанной маской, что в начале вечера, когда держала дистанцию как щит. А по-настоящему: с прищуром, с лёгкой хрипотцой в голосе, с искоркой в глазах, которая цепляет за живое. Шутит. Подкалывает. Примеряется к моему имени «медведь-мишка». Голос дрожит чуть — от усталости или от чего-то большего, я не знаю. Но она смотрит на меня... не как на угрозу. А как на человека.

Понимаю: пора закругляться. Уже восьмой час утра. За окном — серый рассвет, такой, будто мир только-только проснулся и не уверен, стоит ли начинать день. А в моём теле — тяжесть: от недосыпа, от десятка решений, принятых за ночь... и от чего-то ещё. Чего-то тёплого. Непривычного. Почти опасного. Потому что я не хочу её отпускать. Не сей-

час. Не так. Пусть она ещё немного посидит в этом полумраке, в плёде, с вишней во рту — и не думает о завтра. Потому что она раскрывается. И мне чертовски хочется смотреть, как это происходит.

Оставляю Роману записку, прижав её бокалом: «Похожий начал в баре. Банку вишни увёл. Не искал — сама нашлась. Хромов.»

Подхожу к ней.

— Сонь, — говорю тише, чем планировал. Голос сам сел — не от усталости, а будто уважает эту хрупкую минуту. — Вижу, что ты устала. Уже семь утра. Давай, наверное, закругляться на сегодня. Я отвезу тебя домой.

Она вздрагивает — не от испуга, а как будто вынырнула из глубокой воды, из своих мыслей.

— Спасибо, — улыбается. — Вы читаете мои мысли.

«Вы». Всё ещё держит дистанцию. Словно цепочка на двери — не заперта, но и не снята. Но я не обижаюсь. Пусть. Главное — она не ушла.

Спрыгивает со стула, начинает искать тапки — и снова они сваливаются. Смешная. Милая. Как ребёнок, который впервые оказался в чужом доме, но уже чувствует себя почти как дома.

— Ты иди в кабинет, — говорю. — Я быстро наверху порядок наведу и приду за тобой.

— Я помогу! — отвечает, уже делая шаг к лестнице.

— Я сам. Быстро. Иди переобуйся. Вещи собери.

— ...Хорошо.

Она уходит, а я — в випку. Посуда — в посудомойку. Еда — в мусор. Дальше сами разберутся. Забираю плед — тот самый, который теперь хранит её запах, лёгкий, слегка уловимый. Складываю аккуратно, забираю с собой.

В кабинете она уже готова: куртка застёгнута до подбородка, сумка на плече, обувь — на ногах. Даже волосы поправила — собрала в небрежный пучок, но две пряди выбились и лежат на шее. Готова к миру. Но не уходит. Ждёт.

Достаю ключи, запускаю двигатель — пусть прогреется, пока я закрываюсь. Гашу свет, щёлкаю сигнализацией, запираю последнюю дверь.

И вот она — рядом. Не вызывает такси. Не говорит: «я сама». Просто стоит. Молча. Неужели пробил броню?

Помогаю сесть в машину — не из вежливости, а потому что руки сами тянутся. Она не сопротивляется. Пристёгивается. Я ввожу её адрес в навигатор.

Она смотрит на меня — вопросительно.

— Я запомнил, когда ты показания давала, — объясняю. — А номер телефона — нет. Поэтому... — усмехаюсь, — пока едем, думай: поделишься сама? Или мне потратить своё желание?

Она закусывает нижнюю губу. Опять. Заметил ещё в кабинете: так делает, когда нервничает. Или когда принимает решение.

— Ну думай, малая, — шепчу. — Телефон всё равно се-

годня у меня будет. Так или иначе.

Она смеётся — тихо, почти про себя, с лёгкой дрожью в голосе:

— А вы знаете... мне не получилось испортить свидание. И оно было... совсем не худшим. Для меня.

Сердце замирает на секунду.

— И мне понравилось, — отвечаю. — Нужно повторить.

Она молчит. Ни «да», ни «нет». Думай, малая. У тебя ещё целых пять минут.

Еду молча. Иногда поглядываю.

Она сидит у окна, как статуя: брови чуть сведены, губы поджаты, взгляд утонул где-то между фонарями и собственными выводами. Внутри, похоже, идёт совещание на уровне Совета Безопасности: «Допустить Михаила в личное пространство — да или нет? Риски? Профит?»

Ну же, малая. Решайся.

Сегодня я уже понял: она не трусиха. Смелая. Боевая. В обиду себя не даст — ни пьяному ухажёру, ни «симпатичному парню с белым порошком в кармане». И главное — с принципами. Такая, что не изменит себе, даже ради выгоды.

Чёрт. Это почти свято.

Мне чертовски интересно, что там у неё в голове. Выбирает она между «остаться» и «сбежать», или уже придумывает, как вежливо отказать, не обидев своего «спасителя»?

Доезжаем слишком быстро.

— Желание готовы озвучить? — спрашивает, но не смот-

рит в глаза. — Не люблю оставаться в долгу.

— Сонь, сначала ты мне расскажи, что надумала в своей прекрасной головке. Давай, будь честной до конца, — поворачиваюсь. — Признайся: «Да, Михаил, вы в моём вкусе»... А потом — что-то про мою очередную «ущербность», возраст, статус, про «не сейчас», про «я не готова»... И прекрати уже губу кусать — будет болеть. Уже и так опухла.

Она смотрит на меня. И в этот момент я понимаю: Она уже решила. Осталось только сказать.

— Признаюсь. Ты... действительно в моём вкусе, и ты вообще не ущербный, — говорит она и смотрит прямо в глаза.

«Ты». Не «вы». Не «Михаил». Просто — ты.

— Даже так? — удивляюсь искренне. Не притворяюсь. Не играю.

Меня поражает не только то, что она это сказала, — а то, как сказала. И я жду. Жду это самое «но», которое должно упасть, как гильотина: «но ты стар», «но я не готова», «но это безумие»...

А его нет.

Мы просто смотрим друг на друга. Молчим. И в этой тишине — напряжение. Как перед грозой.

— Это всё? — наконец спрашиваю. И сам не верю своим ушам.

— Не поняла.

— Не будет продолжения?

— Какого?

Мы как в «сломанный телефон» играем.

— Ну... типа: «ты не ущербный, но...»

— А-а-а... — она усмехается, чуть смущённо. — В этом плане... нет. Продолжения не будет.

Сердце делает лишний оборот.

— То есть... телефон ты мне оставишь? Без использования желания?

— А какое тогда будет желание?

Она сидит, опустив глаза, пальцами теребит край куртки. Смущается. Смешная. Милая. Такая, что хочется притянуть к себе, усадить на колени и целовать, пока не перестанет сомневаться — в себе и во мне.

— Сонь, — говорю тише, сдерживая порыв, — так не пойдёт. Давай по порядку. Не надо вопросом на вопрос отвечать. Чего ты опять зажалась? Десять минут назад мы нормально общались. Шутили. Ты можешь быть просто собой. Какая есть.

Она молчит. Потом — глубокий вдох.

— Хорошо. Я дам свой номер.

Достаю телефон, разблокирую, протягиваю. Она набирает — медленно, будто каждая цифра — решение. Я записываю под именем «Соня» — не «София», не «малая», а именно так. Ей так нравится, и мне тоже.

Нажимаю «вызов».

Из её сумки — звонок. Выдыхаю. Свой номер дала. Сама. Добровольно.

Смотрю на неё. И не могу оторваться от её губы — искусанной, припухшей, будто просит о пощаде.

— Бедная твоя губешка, — шепчу и тянусь пальцем. Сам того не желая. Не планировал трогать её сегодня — слишком много уже произошло.

Но палец сам касается нижнего края — мягко, почти неведомо.

Она не отстраняется. Не отводит взгляд. Не останавливается.

И это — самое удивительное.

Смотрит своими голубыми глазами — прямо мне в глаза. Потом — на мои губы. Потом — снова в глаза.

— Сонь, — шепчу, заправляя ей прядь за ухо, — знаешь, что ты сейчас делаешь?

Пальцы касаются её щеки — тёплой, мягкой, с лёгким румянцем. Её дыхание учащается.

— Ммм?

— Приглашаешь поцеловать. А у нас же только первое свидание. И я — джентльмен.

Сейчас рванёт. Вижу по её глазам — сам напросился.

Но не жду. Перехватываю её за затылок — мягко, но уверенно — и притягиваю к себе.

Целую.

Она упирается ладонями в мою грудь — не в грубом отказе, а как будто ловит опору. Пальцы слегка впиваются в ткань водолазки, будто боится, что я исчезну, если отпустит.

Но не отталкивает. Держит расстояние — не как стену, а как последний рубеж между «можно» и «нельзя». Между «боюсь» и «хочу».

Не отвечает сразу. Упрямая. Гордая. Я целую мягко: нижнюю губу — как приветствие, будто говорю: «Я здесь». Верхнюю — чуть дольше, чуть настойчивее — как обещание: «И никуда не уйду». Совсем чуть-чуть. Чтобы не напугать. Чтобы дать ей время — передохнуть, подумать, выбрать.

— Ну же, малая... — шепчу, почти касаясь губами её дыхания. — Давай. Ответь мне.

И она сдаётся. Не сопротивляется — открывается. Губы расслабляются, как будто наконец-то решают: «Да, это безопасно». Пускает меня дальше.

Целую глубже — но не жадно, не торопливо. Медленно. И она отвечает. Неуверенно. Почти робко. Губы чуть дрожат, дыхание сбивается — будто впервые целуется.

На вкус — как вишня. Та самая, которой она решила закусывать коктейль: сладкая, с лёгкой кислинкой, с оттенком сиропа и чего-то... родного.

Её рука сжимает мою водолазку, другая скользит по щеке, по шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.